

Дубровских Александр Александрович

КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ РАЗУМ: ВОЗМОЖНОСТЬ ФИГУРЫ ДРУГОГО

В данной статье рассматривается проблема Другого в контексте соотношения классической рациональности и неклассического разума. Целью автора является обзор эпистемологических установок и онтологических допущений классической рациональности, препятствующих тематизации фигуры Другого. Особое внимание уделено критическому измерению неклассического разума, благодаря которому фигура Другого стала одной из его основ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 64-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.132

Философские науки

В данной статье рассматривается проблема Другого в контексте соотношения классической рациональности и неклассического разума. Целью автора является обзор эпистемологических установок и онтологических допущений классической рациональности, препятствующих тематизации фигуры Другого. Особое внимание уделено критическому измерению неклассического разума, благодаря которому фигура Другого стала одной из его основ.

Ключевые слова и фразы: классическая рациональность; неклассический разум; фигура Другого; допущение абсолютного наблюдателя; абсолютное пространство; абсолютное время; допущение предустановленного порядка; нормализация опыта.

Дубровских Александр Александрович*Воронежский государственный педагогический университет**dubrowskyh@mail.ru***КЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ РАЗУМ:
ВОЗМОЖНОСТЬ ФИГУРЫ ДРУГОГО[©]**

Одним из важнейших конструктивных признаков классической рациональности является представление о предустановленном порядке. В историческом аспекте это представление имеет теологические истоки и восходит к христианской идее тварности мира, усиленной и подкрепленной платоновской идеей анамнезиса. «Образы мира имеют предвечное основание в Боге, и эти предвечные семена, погружаемые в небытие, произращают мир духовный, ангельский (“небо”) и мир земной (“землю»)» [3, с. 144]. Предполагается, что человек как образ и подобие Бога может постичь и воспроизвести в мышлении логику творения мира Богом. Неудивительно, что критические усилия такого крупного неклассического мыслителя, как Ф. Ницше, были направлены против христианства как дурного платонизма, сохраняющего положение скрытой основы рациональности даже после секуляризации разума. Допущение предустановленного порядка сохранялось и у тех мыслителей и ученых, которые стремились отказаться от трансцендентного статуса Бога или вовсе отрицать необходимость космологической и эпистемологической гипотезы Бога. «Вещи не могли быть произведены Богом никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем произведены», – утверждал Б. Спиноза [11, с. 224]. Но наиболее известную формулировку представление о предустановленном порядке получило в идее Г. Лейбница о предустановленной гармонии. Мир, по Г. Лейбницу, состоит из множества духовных атомов (монад), консубстанциональных и замкнутых (не имеющих окон) [5, с. 413]. Единство мира обеспечивается предустановленной гармонией, заданной совершенной монадой – божественным сверхмощным разумом. Монады способны к изменению своего статуса в мировой иерархии путем приближения к взгляду на мир с позиции божественного интеллекта. Но сам мировой порядок предзадан и изменению не подлежит. Классическая диалектика, которая вводит понятие развития в само определение разума и бытия, как отмечал Э. Блох, сохраняет анамнезис как основу разворачивания потенций Духа [2]. Дух уже в себе имеет все то, что будет развернуто в ходе развития, и в этом развитии Дух исчерпает все свои возможности. Классическая диалектика имеет закрытый характер.

Другой конструктивной основой классической рациональности является идея об абсолютной шкале наблюдения и фиксации наблюдаемых событий. В ньютоновской картине мира, выступавшей в качестве научной онтологии классической рациональности, универсальность шкалы наблюдения и фиксации событий обеспечивалась представлением об абсолютном характере времени и пространства. «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью» [9, с. 146]. «Абсолютное пространство по своей сущности, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным» [Там же, с. 147]. Как отмечал А. Койре, пространство и время в ньютоновской картине мира являются «умопостигаемыми» и противопоставлены общепринятым «чувственным» относительному пространству и относительному времени [4]. Абсолютное пространство физики Ньютона являлось пространством геометрии Евклида, спроецированным на универсальную картину мира в результате синтеза математики и естествознания, который определил парадигму классической рациональности. П. А. Флоренский выделил признаки геометрического пространства Евклида: однородность и неиндивидуализированность отдельных мест пространства, гомогенность, изотропность. Все эти свойства евклидовой геометрии идеально подходят для описания механического движения. «Пространство евклидовой геометрии имеет своей физической основой группу механических движений абсолютно твердого тела; при этом молчаливо предполагается отсутствие силовых полей и наличие божественного охвата сознанием всего пространства помимо физических посредств и условий познания» [12, с. 110]. Ньютон исходил из того, что допущение абсолютности пространства и абсолютного времени, помимо теологического измерения, связанного с представлением о пространстве как органе, чувствилище (sensorium) вездесущего Бога, имеет и эпистемологическое измерение. Мир в ньютоновской картине мира удерживается взглядом абсолютного наблюдателя, и истина о мире определяется только с этой эпистемологической позиции. Взаимосвязь между представлением о предустановленном порядке и допущением абсолютного

наблюдателя можно иллюстрировать фигурой демона Лапласа. Демон Лапласа схватывает своим сверхмощным интеллектом мировое Целое в его состоянии в настоящий момент и, исходя из этого, может воспроизвести, следуя по причинному ряду вперед и назад, всю мировую тотальность как определенную в своих состояниях нормативными законами. Мир пронизан для взгляда абсолютного наблюдателя, а если случаются разрывы и сбои в опыте наблюдения, то требуются усилия по нормализации опыта. «Мир задан для нас в некоторой универсальной и абсолютной системе отсчета, из которой возможно внешнее наблюдение событий в нем. И все, что не поддается такому воспроизводящему наблюдению или не пробегает путей, которые начертаны его “нормализованным” полем, его формами приведения, представляется отклонением, сбивом, нарушением, побочным продуктом работы, флуктуацией, производимой на выходе и так далее» [8, с. 24]. М. Фуко, исследовавший становление пенитенциарной системы и клиники в эпоху господства классического разума, отмечал, что задача этих инстанций в данный период заключалась в усилиях по нормализации опыта. Так, медицинская теория и практика в эпоху классической рациональности была определена эпистемологическим полем, основанным на биполярности нормы и патологии [13]. Взгляд медика, определенный биполярностью нормы и патологии, является частным проявлением универсальной эпистемологической установки классической рациональности, допущения абсолютного наблюдателя, определяющего нормативным образом непрерывность и воспроизводимость опыта.

Наиболее четко пределы классической рациональности заметны в усилиях по созданию универсального языка, призванного создать возможность для описания наблюдаемого с позиции абсолютного наблюдателя мира. Оказалось, что идея универсального языка наталкивается на принципиальную невозможность полноценного функционирования и естественной самовоспроизводимости такого языка. Герметичность убивает возможность работы механизмов смыслопорождения, производства новых сообщений и фиксации новых событий. Как отмечал Ю. М. Лотман, «минимальной работающей семиотической структурой является не один изолированный язык или текст на таком языке, а параллельная пара взаимно-непереводимых, но, однако, связанных блоком переводов языков. Такой механизм является минимальной ячейкой генерирования новых сообщений» [7, с. 121]. Преодолевается и классическое представление об авторе как суверенном владельце своего произведения и судьбы своих героев, выступающих в качестве орудий для выражения замысла и идей автора. Голос автора, как замечал М. М. Бахтин, вплетен в диалогическое целое романа как личностная, мировоззренческая позиция. Язык выступает здесь не как нейтральное пространство передачи сообщений с позиции абсолютного наблюдателя, а как напряженный диалог, в котором происходит перерождение говорящего. «Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость» [1, с. 87]. Язык связывается, таким образом, с жизненным миром говорящего, с его уникальным опытом. Устремленность к унификации языка имеет своей предпосылкой непреодолимую множественность языков. Принятие относительности пространства и времени в эйнштейновской неклассической физической теории потребовало снятия допущения абсолютного наблюдателя и признания множественности систем отсчета и позиций наблюдателей. Разработанный Н. Бором принцип дополнительности на основе квантовой механики обретает универсальное значение. Признается не просто допущение множественности наблюдателей, но и то, что мир изменяется в процессе наблюдения и эти изменения необратимы; невозможно определить мир вне вовлеченных в его структуру наблюдателей, а их принципиальная множественность требует привлечения их позиций как дополнительных друг другу. Полнота описания наблюдаемого события требует не снятия множественных позиций, а их дополнительности. Наконец, синергетика, основанная на признании парадигмального статуса физики неравновесных процессов, для которых значимы асимметрия прошлого и будущего, непредсказуемость, необратимость и вариативность, предполагает представление о множественных эволюциях, обнаруживаемых на уровнях ансамблей и популяций. «Мы живем в мире множественных флуктуаций, одни из которых развиваются, в то время как другие загибают» [10, с. 87]. Представление о флуктуирующем, шумовом и хаотическом мире предполагает непредсказуемость и принципиальную невозможность занятия надвременной позиции абсолютного наблюдателя. Идея о возможности позиции абсолютного наблюдения, которая, как считал И. Пригожин, является проекцией теологической картины мира в область научных представлений, скрыто сохранялась как идеологический остаток.

Неклассическая рациональность предполагает, что мир удерживается множеством имманентных миру наблюдателей, а процесс перспективного наблюдения вплетен в онтологическую структуру мира. Отсутствие предуготовленного порядка означает, что порядок устанавливается в непредсказуемом процессе общения множественности наблюдателей, обладающих собственными системами отсчета, языками, историей. Единство мира не обеспечено трансцендентной инстанцией или автоматической работой естественных или исторических механизмов, а порождается и удерживается в напряженном диалоге наблюдателей. Интересно, что в перспективе неклассической ретроспекции монадология Г. Лейбница, шаг, произведенный «неолейбницианцами», открывшими друг другу монады, лежит еще в границах классической рациональности [6]. Мировое Целое раскрыто ими как Всеединство, в котором в каждой единице воспроизведено Целое и существует принципиальная возможность встать на позицию сверхмощного разума и воспроизвести всю сложность мира, извлечь из любой единицы мира всю структуру Целого. Это предполагает всеобщую прозрачность в мировом Целом, а значит, и предрешенность судьбы мира. Общение, диалог как универсально-онтологическое отношение неклассической рациональности предполагает невозможность абсолютной прозрачности Другого и непредустановленность формы коммуникативной связи или метафизического отношения, как его называл Э. Левинас.

Таким образом, установка классической рациональности на занятие точки зрения абсолютного наблюдателя, охватывающего мировое Целое в универсальной шкале фиксации событий и воспроизводящего его предуготовленный онтологический порядок, делает невозможным существование фигуры Другого. Всякое

отклонение от идеала непрерывного и воспроизводимого опыта воспринималось как заблуждение, основанное на злой воле субъекта, что требовало усилий (в том числе и институционально оформленных) по нормализации опыта. Неклассический разум, основанный на принципиальном множестве наблюдателей, имманентных миру, множестве языков, несводимых к метаязыковому универсальному измерению и отрицанию предустановленного онтологического порядка, преодолевает классическое представление о возможности тотальной прозрачности мирового Целого. Фигура Другого как абсолютная инаковость ставит предел тотализации мира мышлением и удерживает от соблазна «снятия» различий. Множество укоренено в представлении об абсолютном Другом, а абсолютное Другое отсылает к онтологической первичности множества.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 3. Теория романа (1930-1961). 880 с.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997. 400 с.
3. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.
4. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М.: Логос, 2001. 288 с.
5. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
6. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
8. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
9. Ньютон И. О началах механики // Голин Г. М., Филонович С. Р. Классики физической науки (с древних времен до начала XX в.). М.: Высшая школа, 1989. 576 с.
10. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999. 141 с.
11. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье. Трактат об усовершенствовании разума. Этика. М.: Мир книги, 2007. 480 с.
12. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.
13. Фуко М. Рождение клиники. М.: Акад. проект, 2010. 252 с.

CLASSICAL RATIONALITY AND NON-CLASSICAL MIND: POSSIBILITY FOR THE FIGURE OF THE OTHER

Dubrovskikh Aleksandr Aleksandrovich
Voronezh State Pedagogical University
dybrowskyh@mail.ru

The article examines the problem of the Other in the context of the correlation of classical rationality and non-classical mind. The author aims to present a survey of the epistemological orientations and ontological assumptions of classical rationality interfering with the thematization of the figure of the Other. Special attention is paid to the critical aspect of non-classical mind, due to which the figure of the Other became one of its basics.

Key words and phrases: classical rationality; non-classical mind; figure of the Other; assumption of absolute observer; absolute space; absolute time; assumption of pre-established order; normalization of experience.

УДК 94(47).066

Исторические науки и археология

Данная статья включает анализ инструкций приказчикам, применявшихся в вотчинах графов Шереметевых на протяжении XVIII-XIX вв. В эволюции данного документа выделяются три основных стадии: первые две – появление наказов приказчикам в первой четверти XVIII века, расцвет инструкции как особого типа документа во второй половине XVIII века. В это время идет процесс закрепления обязанностей приказчика и основных принципов управления вотчиной. Третий этап эволюции инструкции связан с началом XIX века, когда наказ приобретает свою окончательную форму и в вотчинах Шереметевых трансформируется в свод правил. Свое существование данный тип документа прекращает вместе с отменой крепостного права.

Ключевые слова и фразы: Шереметевы; вотчина; инструкция приказчику; наказ; вотчинное хозяйство; Юхотская волость; Ярославская губерния; права и обязанности приказчика; методы хозяйствования.

Елисеева Анна Алексеевна

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
anna_eliseeva1989@mail.ru

**ИНСТРУКЦИИ ПРИКАЗЧИКАМ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОТЧИННОГО ХОЗЯЙСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ВОТЧИН ШЕРЕМЕТЕВЫХ)[©]**

Среди источников по истории помещичьего хозяйства в России важное место принадлежит наказам и инструкциям вотчинным управителям. Как особый тип исторического документа они появляются в XVII веке,